

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ВУЗОВ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: УСПЕШНА ЛИ «ТРЕТЬЯ МИССИЯ»?

Д. Ю. Нархов^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Активность общностей научно-педагогических работников, студенчества, административно-управленческих работников и характер их взаимодействия с региональным социумом влияет на успешность реализации «третьей миссии» университетов, устойчивого развития регионов и университетской науки. Цель статьи – изучить характер взаимодействия научно-образовательных общностей вузов Уральского макрорегиона с региональной властью в реализации социальной миссии высшего образования, выявить критерии и проявления (не)успешности данного процесса.

Материалы и методы. Теоретическая рамка исследования базируется на теориях социальной общности, действия и взаимодействия, поколений, теории стейкхолдеров. Эмпирические данные получены на основе анализа статистики Минобрнауки РФ, сайтов вузов и научных организаций Уральского Федерального округа и двух волн интервью с научно-педагогическими и административно-управленческими работниками вузов округа (суммарно N=116).

Результаты. Получены новые данные о численности поколений изучаемых общностей в региональном разрезе УрФО. Выявлена взаимосвязь неоптимальной поколенческой структуры вузовских общностей с демографической ситуацией, социальными факторами и образовательной политикой. Особенностью взаимодействий общностей вузов и властных структур является их строго формализованный характер и асимметричность в силу различий в объемах полномочий и контролируемых ресурсов. Противоречивость и несбалансированность взаимодействия основана на различиях в понимании управленческих задач, стоящих перед властными структурами, и возможностей вузов в их научном обеспечении, ограниченности коммуникативных каналов.

Обсуждение. Университетское научное пространство выступает социальным пространством и механизмом реализации «третьей миссии» университетов. Выделены показатели успешности «третьей миссии»: программы научно-технологического развития субъектов макрорегиона, мегапроекты, меры господдержки в форме региональных научных грантов, стипендиальных и премиальных программ. К негативным тенденциям реализации социальной миссии отнесены бюрократизация вузовской науки, барьеры в регулировании отношений властных структур и научно-педагогического сообщества вузов, несбалансированность поколенческой политики. Сделан вывод о необходимости гармонизации взаимодействия университетского научно-образовательного сообщества и региональных властных структур в существующем едином правовом поле и в рамках общих целей и разработки соответствующих социальных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вузовские научно-образовательные общности, поколенческие общности вузов, социальное взаимодействие, университетское научное пространство, региональная власть, «третья миссия», развитие науки, макрорегион.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206 «Межпоколенческие и внутривузовские взаимодействия в российском университетском сообществе XXI в.: от кризиса к консенсусу», URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нархов Д. Ю. Взаимодействие научно-образовательного сообщества вузов с органами власти: успешна ли «третья миссия» // Вопросы управления. 2026. Т. 20, № 2. С. 100–116. END KKKXIQТ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нархов Дмитрий Юрьевич – кандидат социологических наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Набойченко, 4/5) – *доцент*; d_narkhov@mail.ru. SPIN 7787-0479, ORCID 0000-0002-0104-7324, Scopus ID 57189687030, Researcher ID: W-1675-2017.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 28.12.2025; рецензия получена 06.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

RESEARCH ARTICLE

INTERACTION BETWEEN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COMMUNITY OF UNIVERSITIES AND GOVERNMENT AUTHORITIES: IS THE «THIRD MISSION» SUCCESSFUL?

D. Yu. Narkhov ^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The activity of communities of research and teaching staff, students, and administrative and managerial personnel, as well as the nature of their interactions with regional society, influence the success of universities' «third mission», sustainable regional development, and university research. The purpose of this article is to examine the nature of interaction between research and educational communities of universities in the Ural macroregion and regional authorities in implementing the social mission of higher education and to identify the criteria and manifestations of success and failure in this process.

Materials and methods. The theoretical framework of the study is based on theories of social community, action and interaction, generations, and stakeholder theory. Empirical data were obtained from an analysis of statistics from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, websites of universities and research organizations in the Ural Federal District, and two waves of interviews with research and teaching staff and administrative and managerial personnel at universities in the district (total N=116).

Results. New data were obtained on the size of generations in the studied communities across the Ural Federal District. A relationship between the suboptimal generational structure of university communities and the demographic situation, social factors, and educational policy is identified. A characteristic feature of interactions between university communities and government structures is their strictly formalized nature and asymmetry due to differences in the scope of authority and controlled resources. The inconsistency and imbalance of this interaction is based on differences in the understanding of the management tasks facing government structures and the capabilities of universities in providing them with scientific support, as well as limited communication channels.

Discussion. The university research space serves as a social space and a mechanism for implementing the «third mission» of universities. Indicators of the success of this «third mission» are identified: programs for scientific and technological development of macroregional entities, megaprojects, and government support measures in the form of regional research grants, scholarships, and awards. Negative trends in the implementation of the social mission include the bureaucratization of university research, barriers in regulating relations between government agencies and the university research and teaching community, and an imbalance in intergenerational policies. A conclusion is drawn regarding the need to harmonize interactions between the university research and teaching community and regional government bodies within the existing unified legal framework and within the framework of shared goals and the development of appropriate social technologies.

KEYWORDS

University scientific and educational communities, university generational communities, social interaction, university scientific space, regional government, «third mission», scientific development, macroregion.

FUNDING

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206 “Intergenerational and intragenerational interactions in the Russian University community of the XXI century: from crisis to consensus”, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>

FOR CITATION

Narkhov, D. Yu. (2026). Interaction between the scientific and educational community of universities and government authorities: is the «third mission» successful? *Management Issues*, 20 (2), 100–116. <https://elibrary.ru/kkxiqt>.

AUTHOR INFORMATION

Dmitry Yu. Narkhov – Candidate of Sociological Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, Russia, Yekaterinburg, S. Naboychenko st., 4/5) – *Associate Professor*; d_narkhov@mail.ru. SPIN 7787-0479, ORCID 0000-0002-0104-7324, Scopus 57189687030, Researcher W-1675-2017.

CONFLICT OF INTEREST

The author declares interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools to write this article.

The article was submitted 28.12.2025; reviewed 06.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.

■ ВВЕДЕНИЕ

Действовавшие до настоящего времени государственные проекты и программы в отношении вузовской науки, безусловно, имели положительный эффект как для развития самой вузовской науки (прежде всего ее материально-технической базы), так и для страны в целом и ее регионов. Однако, ни «Проект 5-100», ни сменившая его программа «Приоритет-2030» пока не вывели университетскую науку страны в целом на ведущие мировые позиции, что предполагается национальными целями развития России¹. Более того, селективная научно-образовательная политика поддержки передовых вузов, способных в относительно короткий период «сделать результат», и вузовский менеджериализм [1] привели к обострению комплекса вузовских проблем, мешающих развитию университетской науки. К таким проблемам следует отнести существующее противоречие между ограниченными возможностями университетского научно-образовательного сообщества в реализации функции обеспечения технологического суверенитета, задач устойчивого развития страны, её федеральных округов и регионов [2, с. 132] с одной стороны, а с другой стороны – потребностями региональных социумов в экономическом, технологическом и социокультурном развитии.

Разрешение названного противоречия зависит от активности акторов университетского научного пространства, прежде всего, двух типов вузовских общностей: образовательных – научно-педагогических работников (НПР), студенчества, административно-управленческих работников (АУР); и поколенческих – молодого, среднего и старшего. Их взаимодействие между собой и с внешним социальным окружением оказывает непосредственное влияние как на развитие университетской науки, так и на успешность участия вузовского научно-образовательного сообщества в решении задач регионального развития и в реализации социальной миссии («третьей миссии» после образовательной и научной) высшего образования.

Смещение приоритетов научной политики высшего образования в область обеспечения национальных целей развития страны и увеличения вклада в ее сбалансированное социально-экономическое развитие означает одновременно и усиление взаимодействия с включенными в реальный и финансовый секторы экономики местными сообществами. Данным термином традиционно обозначают связанные общими целями группы взаимодействующих людей (общности), проживающие на одной территории [3, с. 213]. Исходя из центральной идеи развития науки, обеспечивающей региональное

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Президент РФ: [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 20.07.2025).

социально-экономическое развитие, в качестве *местного (регионального) сообщества целесообразно понимать часть регионального социума, совокупность (взаимосвязь) общностей, способных в силу своей деятельности оказывать влияние на состояние университетской науки, а также выступать в качестве заказчиков научных исследований и бенефициаров их результатов*. Опираясь на модель «четверной спирали» взаимодействия [4, р. 16], к таким общностям мы относим общности структур государственного управления, бизнес-структур и общественных организаций², которые составляют «внешний контур» университетского научного пространства и находятся в неразрывном взаимодействии с университетским научно-образовательным сообществом. Последнее понятие объединяет все три исследуемые нами общности и их поколенческие группы и образует «внутренний контур» университетского научного пространства.

Проблема исследования заключается в противоречии между ограничениями научно-образовательных общностей региональных вузов в реализации «третьей миссии» и необходимостью активизации участия университетской науки в обеспечении социально-экономического развития регионов и связанных с ним задач достижения технологического суверенитета и устойчивого развития страны. Среди факторов, детерминирующих данное противоречие, нужно выделить неоптимальную структуру взаимодействия научно-образовательных и поколенческих общностей вузов и общностей регионального социума в университетском научном пространстве.

Объектом исследования является университетское научно-образовательное сообщество, *предметом* – формы, содержание и характер взаимодействия вузовских научно-образовательных и поколенческих общностей с органами власти в социальном развитии регионов Уральского макрорегиона.

Цель статьи – выявить характер взаимодействия университетского научно-образовательного сообщества с региональными органами власти в реализации социальной миссии высшего образования.

Исследовательские задачи:

- определить количественные характеристики поколений вузовских образовательных общностей макрорегиона;
- выявить формы и конкретизировать содержание коммуникаций разных поколений научно-образовательного сообщества и региональной власти, выступающих заказчиками и бенефициарами научных исследований вузов УрФО;
- эмпирически обосновать проблемы взаимодействия по направлению от власти

к научно-образовательному сообществу и в обратном направлении;

- определить критерии успешности «третьей миссии» университетской науки макрорегиона и оценить соответствие им сложившейся в университетской науке ситуации.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Базовым основанием для исследования выступают три группы теорий – социальной общности, действия и взаимодействия, теории поколений. В качестве сопутствующей привлечена теория стейкхолдеров.

Первая группа теорий составляет основу для выделения и изучения научно-образовательных общностей, их общностнообразующих признаков и содержания. В границах теории социальной общности использованы положения, позволяющие рассматривать НПП и АУР как социально-профессиональные образовательные общности, студенчество – как образовательную общность. Мы опираемся на идеи Ф. Тенниса о значимой цели как условии существования общности, теории Э. Гидденса о социальной структуризации и П. Штомпки о социальных изменениях. Критически важными являются постулаты теории социальной общности [5, с. 175–176], общностнообразующие признаки [5, с. 188] и общее определение образовательной общности [5, с. 479].

В российской социологии последних лет появились работы, посвященные отдельным образовательным общностям вузов в общероссийском измерении. Проблемы воспроизводства университетского сегмента научного сообщества рассмотрены в монографии [6]. Привлечение молодежи (включая и студенческую) в науку стало предметом специальной главы комплексного исследования [7, с. 416–434]. Авторы предложили важный для нас методический инструмент – выделения возрастных когорт ученых, «наложив» их на уровни научной социализации – от студенческих «добровольно-принудительных» занятий наукой до получения докторской степени, и на этом основании выстроили динамические ряды, отражающие факторы и проблемы развития и университетской науки, и российской науки в целом.

Показатели личной продуктивности общности АУР разработаны в монографии [8]. Методологически важно, что в их основе – не только процессы управления (включая и управление университетской наукой), но и непосредственное участие ректоров и проректоров, деканов и заведующих кафедрами (лабораториями) в научной и преподавательской деятельности [8, с. 249–251].

Особое место в разработке проблем высшей школы принадлежит уральской научной школе

² Изучение взаимодействия вузовских научно-образовательных общностей, регионального бизнес-сообщества и общественных организаций представляет собой отдельную задачу и вынесено за рамки данной статьи – авт.

изучения социальных общностей³. Ее заслугой необходимо признать выделение в самостоятельную отрасль социологии высшего образования [9].

На фундаменте теорий нелинейного высшего образования, доверия, взаимодействия вузов и городов комплексному изучению подвергнута общность НПП [10] России и Уральского макрорегиона, в том числе с позиций ее научно-исследовательской ресурсности [11], карьерных траекторий [12], инновационного потенциала [13]. Исследована научно-исследовательская культура студенческой общности как целостный феномен [14]. Заложены основы для исследования общности АУР как актора университетского научного пространства [15].

Вторая группа теорий связана с изучением ключевой характеристики изучаемых общностей – действия и взаимодействий в университетском научном пространстве. В контексте деятельностного подхода привлекались представления Г. Зиммеля об универсальных формах социального взаимодействия, Дж. Хоманса – о социальном обмене, социального конфликта – Р. Коллинза, Ю. Хабермаса – о коммуникативном действии.

Отечественными социологами активно разрабатываются проблемы взаимодействия вузовских образовательных общностей. С одной стороны, активно изучаются комплексы противоречий, возникающих вследствие взаимодействия: бюрократизации отношений [2], менеджериализации [4], субъектности академического сообщества [16], прекаризации труда НПП [17] и разнообразных девиаций [18]. С другой стороны, ведется поиск оснований для преодоления межобщностного разрыва, наблюдаемого и в университетском научном пространстве. Эти работы касаются академического наставничества, различных форм поддержки научных школ и коллективов [19], взаимного развития в процессах коммуникации [20], инструментов активизации исследовательской деятельности [21]. В рамках рассматриваемой группы теорий изучались проблемы поколенческих отношений в общности НПП [22], взаимодействия вузовских поколений в университетской науке [23], самоидентификации и роли поколений в стабильности университетов [24].

Иностранные исследования, как правило, ориентированы на изучение конкретных практик участия вузовских общностей в научных исследованиях. В поле их внимания попали проблемы, характерные и для российской высшей школы: результативности взаимодействия

преподавателей и студентов⁴, партнерские отношения в научных практиках [25], вопросы академической мобильности [26].

Уделено внимание развитию профессиональных навыков молодых исследователей посредством НИР [27], практической пользе академического наставничества [28], вопросам качества научных публикаций [29], доступности научных журналов и ограниченности возможностей для интеграции студентов в сложившиеся в университетах научные коллективы⁵. Заметна тенденция к акцентированию внимания на проявлениях названных проблем применительно к студенчеству. Проблемы взаимодействия групп НПП и, особенно, групп АУР, исследованы в меньшей степени.

Третья группа объединяет теории поколений. Они необходимы для определения функциональной специфики поколенческих групп в коммуникации вузовских образовательных общностей и региональных сообществ. В изучении социальной структуры высшего образования четко прослеживаются две тенденции. Одна из них основана на выделении «буквенно-цифровых» поколений в традиции У. Штрауса и Н. Хоува⁶. В рамках этой тенденции внимание привлекли проблемы образования студентов-миллениалов [30] и места в нем академических навыков [30, с. 195–196]. Социологи обращаются к проблемам самоидентификации, горизонта планирования профессиональных и жизненных стратегий поколения Z [31], их представлениям о (не)перспективности научной карьеры как таковой [32].

Вторая тенденция объединяет группу теорий, восходящих к представлениям К. Мангейма о поколениях как специфической социальной структуре и социальной общности, для которой необходимо не только сосуществование в одном социальном времени-пространстве, но и участие «в общей судьбе данной исторической и социальной общности» [33, с. 36], что позволяет рассматривать взаимодействие как важнейшее условие существования поколенческих общностей высшего образования. Идеи, высказанные в отмеченной работе классика, наряду с воззрениями Ф. Тенниса могут быть использованы в качестве методологической основы для изучения общностной и поколенческой структуры высшего образования [34].

Зарубежные исследования в большинстве своем носят эмпирический характер, связаны с верификацией теории Н. Хоува и В. Штрауса, а в теоретическом плане нацелены на создание

³ Социологическая школа исследований социальных общностей // УрФУ. Наука : [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3QkMAU> (дата обращения: 08.12.2025).

⁴ Beyond Dead Reckoning: Research Priorities for Redirecting American Higher Education. Report of National Center for Postsecondary Improvement (Oktober 2002). 28 p. – URL: <https://clck.ru/3Qo7ep> (дата обращения: 12.12.2025).

⁵ Jensen E., Yordanova D., Denhard L., Zazzi K., Mejia J., Shar T., Ise-man J., Hoeniges T., Mitchell M. Engaging undergraduate student-athletes in re-search and publication opportunities // The Sport Journal. 2022. – URL: <https://clck.ru/37pcmR> (дата обращения: 30.12.2023).

⁶ Strauss W. & Howe N. Generations The history of America's future, 1584 to 2069. New York : Quill, cop. 1991. 538 p.

классификаций и названий поколений. Так, Д. Тапскотт применительно к студенчеству вводит понятие «Умное поколение»⁷, Э. Силлерс ставит проблему технологий обучения поколения Z [35], Н. Соли и соавторы связывают образование поколений Z и Альфа с перспективами технологического развития⁸.

Для изучения механизмов и специфики взаимодействия между акторами внутреннего и внешнего контуров университетского научного пространства, а следовательно, и успешности реализации «третьей миссии» университетов, целесообразно обратиться к теории стейкхолдеров⁹.

Опираясь на определение стейкхолдеров как организаций (команд) заинтересованных сторон¹⁰ в научных проектах и их результатах, можно представить университетское научное пространство через совокупность индивидуумов, групп (общностей НПР, студенчества, АУР, групп внутри общностей и межобщностных объединений) и организаций – стейкхолдеров (структурных подразделений, различных межвузовских консорциумов и др.), существенно влияющих на принятие решений и (или) оказывающихся под влиянием этих решений в сфере управления наукой.

Именно в этом пространстве и происходит реализация «третьей миссии» университетов. Несмотря на то, что данное понятие активно применяется в мировой практике с конца 1990-х гг., его однозначной трактовки не сложилось. Тем не менее, проблематика включенности университетов в решение социальных (в широком понимании) проблем нашла отражение в социологической литературе, в большинстве своем – в русле экономической социологии, социологии управления и в рамках теории стейкхолдеров.

Учеными рассмотрены вопросы роли университетов как «регионообразующих структур» и «стабилизирующих институтов» регионального социально-экономического развития [36, с. 73], особенностей интеграции понятия «третьей миссии» в программы развития университетов [37]. При этом проблемы взаимодействия «заинтересованных сторон» вузов, властных и научных общественных структур в социальной миссии в работах исследователей оставались на второстепенных позициях.

В зарубежной литературе «третья миссия» исследовалась активнее, чем в России. В ней подняты вопросы практического применения знаний и получения выгоды от имеющихся в распоряжении вузов ресурсов «за пределами академической среды»¹¹, взаимосвязи между политикой

университетов в сфере научного производства и исследовательской продуктивностью [38], стратегией управления университетской наукой и использования внешних связей [39].

Обратим внимание на позицию П. Монтенсис с соавторами. Они предлагают рассматривать «третью миссию» в единстве трех составляющих, в которые включена университетская наука: социальной, не предполагающей извлечения прибыли (развитие культурной среды); предпринимательской (исследования на основе контрактов с государством и бизнесом) и инновационной (внедрение научных разработок вузов, экспертная деятельность по запросу органов власти) [40].

В контексте реализации «третьей миссии» также отметим концепцию развития социальных общностей, в основе которой лежит возможность взаимного притяжения ими социального капитала: именно этот вид капитала лежит в основе взаимодействия университетских общностей и общностей, представляющих властные и академические общественные структуры. Данная концепция служит основанием для изучения взаимного влияния исследовательских инициатив, идущих от одной общности к другой, что «стимулирует сотрудничество между различными заинтересованными сторонами и способствует достижению <...> устойчивых результатов развития» [41, р. 61].

Анализ публикаций, в которых исследована проблема «третьей миссии» университетов, дает основание полагать, что концепцию трех миссий университетов целесообразно рассматривать не только с позиций теории стейкхолдеров. Она является одним из ядер теории социального действия и взаимодействия, что позволяет сконцентрировать внимание на роли изучаемых научно-образовательных общностей и их поколений как основных акторов университетского научного пространства в реализации социальной миссии высшего образования. Данный подход позволяет получить новые данные о формах, векторах и содержании коммуникации научно-образовательного сообщества с региональными акторами; выявить специфику взаимодействия университетских поколений с властными структурами; определить критерии и степень успешности реализации «третьей миссии» на макрорегиональном уровне.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическим основанием авторского исследования выступают общностный, поколенческий и деятельностный социологические подходы. В качестве источниковой

⁷ Tapscott D. Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. N. Y. : McGrawHill, 2008. P. 30.

⁸ Soly N., Benny K., Mary R., Thomas M. R. Technological perspectives of education for generation Z and generation Alpha // Utkal Historical Research Journal. 2021. Vol. 34. №. 3. Article 153. – URL: <https://clck.ru/3QvwQg> (дата обращения: 12.12.2025).

⁹ Freeman R.E. Stakeholder Management: A Stakeholder Approach. Marshfield, MA: Pitman Publishing, 1984. 276 p.

¹⁰ Там же, р. 25.

¹¹ Jongbloed B. Seven Indicators for Mapping University regional Interactions. In: ENID PRIME Indicators Conference in Oslo, 26–28 May 2008. London, Publisher Centre for Higher Education. 2008. P. 87.

базы выбраны вузы Уральского федерального округа (УрФО) как крупной нестоличной административной единицы (макрорегиона) с высокоразвитой университетской, академической (научной) и социально-экономической структурами.

Эмпирические материалы получены в результате анализа статистических данных Минобрнауки РФ¹² и общероссийского мониторинга деятельности организаций высшего образования¹³, традиционного анализа сайтов вузов и научных организаций УрФО и двух качественных исследований.

1. Исследование «Проблемы и перспективы взаимодействия образовательных общностей в научном пространстве вузов УрФО», 2024–2025 гг. Серия полуструктурированных интервью с НПП и АУР двух типов: экспертов (Э, N=43) и информантов (И, N=32). Респонденты-эксперты: доценты, профессора, заведующие кафедрами, деканы факультетов и директора институтов, руководители структурных подразделений, проректоры по науке с опытом исследовательской работы от 10 до 40 лет. Информанты: НПП и АУР с опытом исследовательской деятельности или управления научной работой более трех лет, студенты выпускных курсов и аспиранты. Респонденты представляют университеты Свердловской, Челябинской, Тюменской областей и ХМАО, федеральный университет, НИУ, опорный университет, а также вузы, имеющие специфику подготовки кадров для экономики и социальной сферы (медицинские, технические, сельскохозяйственные, вузы лесного хозяйства и др.).

2. Коллективное исследование в рамках названного выше гранта «Межпоколенческие и внутрипоколенческие взаимодействия в университетском сообществе УрФО XXI в.», 2025 г. (НПП, N=20; АУР, N=21)¹⁴. Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с репрезентативной многоступенчатой моделью по следующим признакам: регион, тип вуза (статусный / не статусный), распределение по направлениям подготовки (естественнонаучное и инженерно-техническое, социальное и гуманитарное), по поколениям (молодое, среднее, старшее), должностям НПП (от ассистента до профессора) и управленческому уровню (высшее руководство, руководство среднего и низшего уровня). Методика

выделения и разграничения поколений в вузах описана в работе [42].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Поколенческая структура высшего образования УрФО

Структура высшей школы УрФО отличается значительной концентрацией организации высшего образования и, соответственно, их образовательных общностей и высоким научным потенциалом. Округ располагает одним федеральным университетом, одним национальным исследовательским университетом, двумя опорными университетами. Три вуза участвовали в проекте «5-100», 10 – в программе «Приоритет-2030».

На 2024 г. в Свердловской и Челябинской областях суммарно действуют 35 головных вузов, в них – 209,83 тыс. студентов, 14,5 тыс. НПП и 5,98 тыс. АУР. В Тюменской и Курганской областях и ХМАО располагалось 12 головных вузов. В трех этих регионах училось 81,9 тыс. студентов, трудилось 5 тыс. НПП и 2,3 тыс. АУР. ЯНАО не располагает самостоятельными вузами, в единственном филиале училось 92 студента¹⁵. Наличие центра академической науки – Уральского отделения Российской академии наук в Свердловской области – является значимым фактором развития науки и в этой области, и в регионе в целом.

Поколенческая структура образовательных общностей вузов округа представлена в таблице 1 и на рисунке 1.

Высшее образование и университетская наука округа отличается территориальной неравномерностью: большая часть вузов их общностей сосредоточена в Свердловской и Челябинской областях, что отражает их исторически сложившиеся тенденции социально-экономического, производственного, культурного и т. д. развития. Неравномерность высшего образования прослеживается и в разрезе размеров вузов макрорегиона, их ресурсности и возможностей реализации образовательной, научной и социальной миссий. На основании этих и ряда других критериев исследователями выделены три основные группы вузов макрорегиона: наиболее мощные университеты – зоны «ядра», менее мощные вузы – «полупериферии» и «слабые» вузы – зоны «периферии» [5, с. 627–628].

¹² Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования РФ: [сайт]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 12.06.2025). Далее – ВПО-1.

¹³ Мониторинг деятельности организаций высшего образования. Характеристика системы высшего образования в РФ. – URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения 01.06. 2025). Далее – Мониторинг.

¹⁴ Руководитель: д.ф.н., проф. Г. Е. Зборовский, участники: д.с.н., проф. П. А. Амбарова, д.с.н., проф. Н. Б. Костина, д.с.н., доц. Н. В. Шаброва, к.с.н., доц. Д. Ю. Нархов, к.с.н. А. А. Дроздова, к.с.н. Е. В. Кеммет, ст. преп. Д. А. Гладырев, студенты В. Р. Нопина, С. А. Егорова.

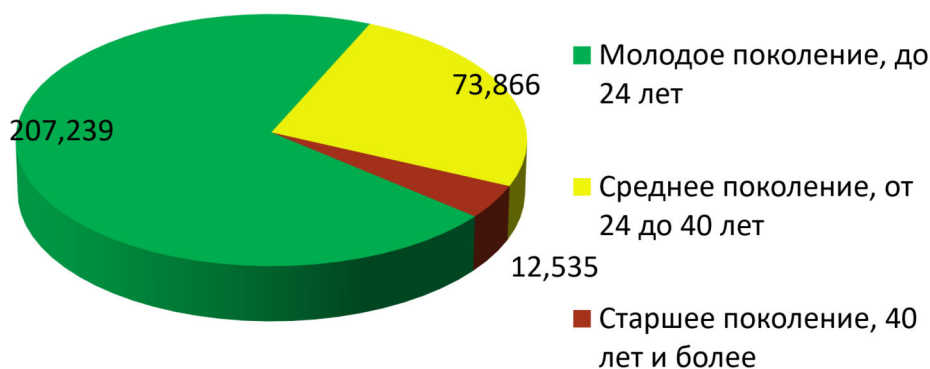
¹⁵ Расчет автора. НПП рассчитаны как сумма ППС и научных работников по основному месту работы и внешних совместителей; АУР – как совокупность руководящих работников, включая деканов (директоров институтов), заведующих кафедрами и административных работников. Учтены только студенты образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры. Источники: ВПО-1; Мониторинг.

Таблица 1 – Численность поколений образовательных общностей в государственных и частных вузах УрФО, человек
Table 1 – Number of generations of educational communities in public and private universities of the Ural Federal District, people

Общность	НПР, основное место работы и внешнее совместительство			АУР, основное место работы**		
	Молодое	Среднее	Старшее	Молодое	Среднее	Старшее
Свердловская обл.	1633	4817	2366	713	2084	707
Челябинская обл.	796	3247	1321	338	1542	394
Тюменская обл.	569	2004	656	350	1091	158
Курганская обл.	50	412	140	19	155	36
ХМАО	321	1048	243	102	393	38
Итого по группам	3369	11528	4726	1522	5265	1333

* Подсчет автора. Источник: ВПО-1.

** Данные о внешних совместителях АУР в формах ВПО-1 отсутствуют.

* Подсчет автора. Источник: ВПО-1. Учтены студенты всех форм обучения (очная, очно-заочная, заочная), без учета экстерната, студентов-иностранцев и студентов без гражданства.

Рисунок 1 – Распределение студенческой общности УрФО по поколенческим группам, на 01.01.2024 г., тыс. чел.

Figure 1 – Distribution of the student community of the Ural Federal District by generational group, as of 01.01.2024, thousands of people.

Выраженная неоптимальная поколенческая структура общностей НПР и АУР является следствием общей демографической ситуации в стране и округе (последствия «демографической ямы» 1990-х), влияния социальных факторов (главный – снижение престижности преподавательского труда в вузе) и образовательной политики («оптимизация-модернизация» 2012–2020 гг. и политика «омоложения» вузов и их научных кадров 2018–2024 гг.). Поскольку каждая из поколенческих общностей выполняет собственные функции в университетском научном пространстве [24, с. 120–121], выявленное неоптимальное соотношение поколений является одним из факторов неравенства вузов и в реализации изучаемой «третьей миссии». Анализ материалов интервью выявил заметное «проседание» функций научного наставничества, проводников экспертного знания и коммуникаторов

с региональным сообществом, присущих старшим поколениям НПР и АУР.

Вектор взаимодействия университетского научно-образовательного сообщества с властными структурами

Особенность законодательного регулирования университетской науки определяется ст. 72 Конституции РФ, согласно которой вопросы образования и науки находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов, и ч. 1 ст. 114, закрепляющей за Правительством страны функцию обеспечения единой политики в области науки и образования. Федеральными законами № 273-ФЗ от 29.12.2012 и № 127-ФЗ от 23.08.1996 зафиксирована вертикальная модель научной и образовательной политики, в которой безусловный приоритет принадлежит федеральному центру, а органам власти на местах отведена исполнительная, координирующая и контролирующая функция в реализации

принятых центральной властью решений. Для нас важны администрация Полномочного представителя Президента РФ в УрФО; администрации губернаторов, законодательных собраний, региональные министерства и администрации областных и окружных центров.

Специфика государственной власти как социального института задает строго формализованный характер отношениям между представляющими ее общностями и научно-образовательным университетским сообществом. Другой особенностью является асимметричность взаимодействия в силу различий в объемах полномочий и контролируемых ресурсов, поскольку у власти они всегда больше, чем у отдельных вузов и университетского научно-образовательного сообщества в целом.

В качестве основных форм коммуникации в направлении от университетского научно-образовательного сообщества к власти можно назвать:

– реализацию экспертного знания. Для общности АУР она происходит преимущественно в виде участия в совещательных органах и экспертных, разрабатывающих научную повестку региона. Для общности НПР – привлечения в качестве экспертов к деятельности научных комиссий и конкурсов, участия в исследованиях, выполняемых по заказам отдельных властных структур и в некоторых случаях – прямой экспертной оценки. *«Есть такая потребность. Судебная экспертиза, лингвистическая экспертиза. Потому что, а кто еще как не филологи? У нас есть сертифицированные эксперты лингвистические, их услугами пользуются»* (Э, м., ст. п., канд. н.)¹⁶. Основные «исполнители» данной функции – представители среднего и старшего поколений НПР;

– лоббирование интересов сообщества во властных структурах через представительство в органах власти, что, скорее, является уникальной, а не типичной ситуацией. Как и в предыдущем случае, в основном эта функция реализуется старшим поколением, но не столько НПР, сколько администраторами верхнего управленческого уровня вузов благодаря их богатому социальному капиталу. Так, экс-ректор УГТУ-УПИ А. И. Матерн в 2011–2015 гг. успешно совмещал должность первого проректора УрФУ и законодательную деятельность в качестве депутата Законодательного собрания Свердловской области (2011–2016). Известны случаи участия в лоббировании представителей молодого поколения АУР. В 2023 г. председателем Екатеринбургской областной Думы была избрана директор департамента политологии и социологии УрФУ А. Д. Гурарий,

сохранившая в университете должности доцента и куратора федерального проекта в УрФУ «ДНК России»;

– участие в конкурсах на грантовое финансирование НИР. Наиболее известен региональный конкурс РНФ, в котором областные правительства участвуют нерегулярно. В конкурсе 2024 г. представлены Челябинская область (размер гранта – до 50 млн, поддержано 5 проектов: по 2 – Южно-Уральский государственный университет (НИУ) и Челябинский государственный университет; 1 – Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова) и ХМАО (до 15 млн, поддержаны 3 проекта: 2 – Югорский государственный университет; 1 – Сургутский государственный университет)¹⁷. В числе победителей представлены вузы и зоны «ядра», и периферии. Ценность этой формы взаимодействия видится в возможности представить в «упакованном» виде срез конкретных тематик, ведущихся университетскими исследователями, что позволяет оценить состояние университетской науки региона в целом. Эта форма взаимодействия доступна всем трем поколениям НПР и АУР, однако, в силу жесткости конкурсных условий, реальное число участников таких конкурсов, а тем более победителей, весьма ограничено.

Вектор взаимодействия властных структур с университетским научно-образовательным сообществом

Основными формами коммуникации вектора «власть – университетское сообщество» выступают:

– контроль исполнения законодательства в сфере науки и образования, Указов Президента РФ, определяющих национальные цели и стратегию научно-технологического развития страны;

– разработка региональных программ научно-технологического развития. В УрФО такие программы действуют в Свердловской, Челябинской, Тюменской областях и ХМАО;

– участие в определении научной политики ведущих университетов через участие в наблюдательных и попечительских советах университетов. Губернаторы или их заместители входят в состав таких советов в УрФУ, Тюменском государственном университете, Тюменском государственном медицинском университете, Сургутском государственном университете; депутаты региональных законодательных собраний – в Уральском государственном университете физической культуры и некоторых других. Однако подобные органы управления нередко

¹⁶ Пол респондента: мужской – м., женский – ж. Поколения: мол. п. – молодое, ср. п. – среднее, ст. п. – старшее. Ученая степень: кандидат наук – канд. н., доктор наук – д-р н. – авт.

¹⁷ 101. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс). Условия. Список победителей // РНФ. Конкурсы : [официальный сайт]. – URL: <https://rscf.ru/contests/> (дата обращения: 23.03.2025).

отсутствуют в региональных вузах, особенно относящихся к группе «периферии»;

– регулярная поддержка участников научно-инновационной деятельности, в том числе через особые правовые статусы¹⁸;

– финансовая и налоговая поддержка. За период 2020–2024 гг. в рамках поддержки Уральского НОЦ «Передовые производственные технологии и материалы» Правительством Свердловской области выделено 390 млн руб. на реализацию 11 проектов, Правительством Челябинской области – 219 млн руб. – на 14 проектов и еще 246 млн руб. – на основной проект по созданию демонстраторов многоцветной ракеты-носителя¹⁹. Правительством Тюменской области в рамках деятельности Западно-Сибирского НОЦ в качестве мегагрантов за 2020–2024 гг. выделено 916 млн руб., Правительством ЯНАО в этом же проекте на разработку критических технологий для Арктики в 2019–2024 гг. выделено 4 469 млн руб.²⁰. В Тюменской области проводится единственный в России региональный конкурс мегагрантов областного правительства. Гранты выделяются сроком на 5 лет в размере 30 млн руб. ежегодно. Одним из успешных результатов этой формы взаимодействия является функционирование лаборатории «AquaBioSafe: водные экосистемы и биобезопасность как основа устойчивого эколого-социального развития Западной Сибири»²¹. Работы молодых ученых, аспирантов и студентов этой лаборатории признаны самыми передовыми в стране;

– создание и поддержка наиболее крупных научно-образовательных и научно-технологических проектов: межрегиональных научно-технологических кластеров, названных выше научно-исследовательских центров мирового уровня (НОЦ), кампусов мирового уровня для ведущих университетов (Челябинск, Тюмень, Екатеринбург). «В любом НОЦ есть четыре стороны: университет, академическая наука, органы власти и промышленные компании. Урал действительно опережает других по количеству участников, проектов и их объему. Сейчас [в 2024 г. – прим. авт.] реализуется более 50 проектов на 12 миллиардов

рублей. Значительная часть поддерживается каждый год правительством Свердловской области, которое выделяет из бюджета 100 миллионов рублей, отбирает идеи вместе с нами и РАН»²²;

– организация масштабных мероприятий, прежде всего представляющих достижения округа и регионов в общероссийском и мировом пространствах. В качестве примера достаточно привести ежегодную научно-промышленную выставку «Иннопром», на стендах которой постоянно представлены ведущие университеты округа. Так, в 2024 г. делегацию Южно-Уральского государственного университета представляли 24 сотрудника, включая ректора, проректора по научной работе и НТР – руководителей научных проектов²³.

Значимой формой взаимодействия региональных властей и вузовских сообществ также является участие в составе региональных делегаций руководства и ведущих исследователей университетов на ведущих мировых площадках (ЭКСПО²⁴ и др.).

Опосредованной формой коммуникации региональных властей и университетского научно-образовательного сообщества выступает курирование создаваемых в рамках программы «Приоритет-2030» молодежных научных лабораторий. В УрФО действует более 40 таких лабораторий. Более всего в 2025 г. их было в Уральском государственном медицинском университете – 9. Согласно опросу НИУ ВШЭ, 76% руководителей молодежных лабораторий РФ смогли привлечь в науку студентов и недавних выпускников. Порядка 72% сотрудников таких лабораторий получили опыт работы над перспективными научными темами²⁵.

Формами взаимодействия власти и университетского научно-образовательного сообщества являются меры стипендиальной поддержки молодых ученых и студентов. Важной формой являются и регулярные награждения и премирования представителей вузов за заслуги в области науки. Премия Губернатора Свердловской области 2024 г. вручена по 22-м номинациям²⁶, большая часть номинантов – сотрудники вузов и совместители, работающие в институтах РАН.

¹⁸ Об утверждении перечня институтов инновационного развития Свердловской области. Распоряжение Правительства СО от 27 июля 2023 г. № 488-ПП. – URL: <https://www.pravo.gov66.ru/39636/> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁹ Стратегическая сессия по обновлению НОЦ мирового уровня. Уфа, 21–22.03.2025 // НТР Урала. Телеграм-канал. – URL: <https://t.me/uralntr> (дата обращения: 22.03.2025).

²⁰ Там же.

²¹ Мальшев С. В Тюменской области появятся три экологических мегапроекта. URL: <https://ura.news/news/1052463482> (дата обращения 26.03.2025).

²² Партнерство УрФУ с Академией наук позволяет быстро довести НИОКР до продукта // Российская газета. Новости, 07.02.2024. – URL: <https://rg.ru/2024/02/07/reg-urfo/fabrika-intellekta-i-tehnologij.html> (дата обращения: 14.12.2025). Курсив наш – авт.

²³ ЮУрГУ подводит итоги участия в ИННОПРОМ-2024. 11.07.2024 // ЮУрГУ: [официальный сайт]. – URL: <https://clck.ru/3JJGda> (дата обращения: 22.03.2025).

²⁴ Научные разработки ЮУрГУ вызвали повышенный интерес на выставке Экспо в Китае. 20.05.2024 // ЮУрГУ: [официальный сайт]. – URL: <https://clck.ru/3JJGkR> (дата обращения: 22.03.2025).

²⁵ Агранович М. Молодежные лаборатории подвели итоги первых 4 лет работы // Российская газета, 05.11.2024 09:12. – URL: <https://clck.ru/3JohVT> (дата обращения: 27.03.2025).

²⁶ Евгений Куйвашев присудил премии молодым учёным Свердловской области // Информационный портал Свердловской области. – URL: <https://www.xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/24270> (дата обращения: 26.03.2025).

Вместе с тем, взаимодействие университетского научно-образовательного сообщества и властных структур не лишено противоречий. Одна часть их возникает в силу несогласованности понимания управленческих задач, стоящих перед властными структурами, и возможностей вузов в их научном обеспечении. *«Областные структуры [...] запрашивают ценовую информацию по исследованиям, которые необходимо провести для правительства [...]. К сожалению, [предлагаемая] сумма вообще не соответствует трудозатратам, тому, что нужно сделать. Мы не можем за них браться, потому что они не соответствуют ни нашим научным интересам, ни возможностям, ни ресурсной базе»* (АУР, ж., ст. п., д-р н.).

Другая часть противоречий возникает в силу ограниченности ресурсного потенциала и университетов, и региональных властей. С одной стороны, инициативность вузовских общностей (особенно относящихся к вузам полупериферии и периферии) в таком взаимодействии вызвана необходимостью самосохранения. *«Какая философия этого взаимодействия должна быть? У нас сейчас по факту происходит, что вузы бегают за госкорпорациями, за социальными институтами, за администрацией региона. Дайте нам денег, потому что [у вузов] задача выжить. Сейчас, наверное, в процентах 70 случаев происходит. А если бы госкорпорации и вообще представители власти ставили во главу угла [...] достижения каких-то показателей к научно-техническому суверенитету, они сами бы ходили в вузы и говорили, мы вам дадим, потратьте, пожалуйста, и дайте вот то-то, [...] мы ждем от вас это»* (Э, м., мол. п., канд. н.).

С другой стороны, возможности властных структур связаны рамками множества ограничений и правил использования бюджетных средств, не позволяющих под предлогом «нецелевого расходования» финансировать значительную часть актуальных для региона научных проектов и программ, а также спецификой прохождения бюджетных платежей. *«В части финансирования бывает, что деньги могут прийти вообще в июне месяце. А с января по май? Необходима устойчивость в обеспечении основных потребностей [исследований]»* (Э, м., ст. п., д-р н.). К этой же категории относится и проблема финансовой отчетности проектных команд вузов за предоставленные средства. *«Проблема в том, что придет счетная палата, и ты должен вот за каждую копейку отчитаться. Вроде бы тебе дали денег, условно 10 млн на большой проект. Не смог потратить*

60 тысяч. [...] Это копейки. А бумаги ты испишешь целый стол». (АУР, м., ср. п., канд. н.).

Наконец, следует отметить еще одну форму взаимодействия в направлении от региональной власти к университетскому сообществу: деятельность молодежных парламентов и молодежных правительств. В ее рамках происходит «дублирование» функций «взрослых» парламентов и правительств. Это касается и функций комитетов по развитию региональной науки и министерств, в ведении которых находятся вопросы развития науки в регионах. Анализ состава молодежных парламентов и правительств выявил широкую представленность студенчества в этих органах²⁷, что означает, как минимум, возможность озвучивать властным структурам идеи молодого поколения. Позитивно, что эти идеи востребованы государственными управленцами.

Вместе с тем эксперты отмечают явный недостаток каналов коммуникации между региональными властными структурами и научно-педагогическим сообществом. В большинстве полученных интервью отмечено, что представители органов государственного управления либо не знакомятся с результатами научных исследований вузов, либо предпочитают это делать в случае острой необходимости в формате кратких презентаций.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Каждая из рассматриваемых нами вузовских общностей – НПП, студенчества и АУР, молодого, среднего и старшего поколений, равно как и общности, действующие во властных структурах, могут рассматриваться как стейкхолдер. Основой для взаимодействия между ними выступает научно-исследовательская деятельность и ее результаты. Развитие университетского научного пространства и региональных сообществ в их взаимодействии возможно «через учет их интересов и требований» [9, с. 366]. В социальной практике взаимосвязь между субъектами университетского научного пространства и региональными сообществами представляется неразрывной, а взаимодействие – постоянным процессом. Тем самым университетское научное пространство выступает социальным пространством и механизмом реализации «третьей миссии» университетов. Властным структурам в данном пространстве принадлежит особая роль регулятора, распорядителя федеральными и региональными ресурсами, координатора взаимодействия в цепи «власть – вузовские научно-образовательные общности» и контролера исполнения законодательства в сфере науки и реализации соответствующих программ и проектов.

²⁷ Председателем Молодежного правительства Свердловской области является аспирант Гуманитарного университета Л. В. Мишин, Министром промышленности и науки – студентка УрФУ Л. А. Неволлина. Правительство Свердловской области. – URL: <https://midural.ru/community/MP/> (дата обращения: 17.12.2025). Председателем Молодежного парламента Свердловской области избрана студентка юридического университета Е. С. Молоканова. Законодательное Собрание Свердловской области. – URL: <http://zso.ru/activity/mpso> (дата обращения: 17.12.2025).

Множественные структурно-функциональные различия взаимодействующих субъектов определяют и специфику данного взаимодействия, требующего отдельного внимания. В существующей модели высшего образования региона взаимодействие вузовских образовательных общностей и их поколенческих групп носит нелинейный характер. Однако, нелинейность в данном случае означает не модель организации взаимодействия акторов университетского научного пространства [9, с. 326], а несбалансированность и противоречивость их коммуникаций и результатов последних.

Противоречивость взаимодействия научно-образовательного сообщества и властных структур определяется следующими факторами:

- неравенством научных направлений, в рамках которого действуют реальные вузовские общности, степень их приоритетности в государственной политике в сочетании со значимостью для социально-экономического развития конкретного региона. Значительными преимуществами обладают научно-образовательные общности, включенные в повестку технологического суверенитета. В существующих вузовских реалиях это более доступно университетам зоны «ядра», готовых взять на себя роль платформ, которые обеспечивают «собственные линии разработки». Последние «определяются как комплекс мероприятий (проектов, программ) и условий, обеспечивающих создание и устойчивое развитие конкретных отечественных технологий и продуктов на их основе, включая разработку их новых поколений» [43, с. 57];

- целевыми установками и функциями вузовских образовательных общностей с одной стороны, и властных структур – с другой стороны. Если деятельность университетских общностей строится на генерировании, преобразовании и распространении научного знания в разных формах, то деятельность властных структур ориентирована на управление регионом в целом, его социально-экономическим, культурным и т. д. развитием. Наука выступает одним из многих направлений. В этом плане представляется недостаточно исследованной функция властных структур как посредников между вузовскими и бизнес-структурами регионов. По мнению некоторых ученых, эта проблема носит системный характер: «в России на протяжении длительного времени сохраняется относительно низкий уровень вовлеченности бизнеса в совместные проекты с наукой, несмотря на значительный объем предоставляемого государственного финансирования», сопровождаемый множеством проблем «при установлении партнерских связей и получении государственной поддержки» [44, с. 81];

- ресурсностью взаимодействующих общностей и властных структур регионов. Властные структуры ожидают от вузов более активного участия в научно-технологическом развитии

регионов, в то время как значительная часть вузовских общностей традиционно ориентирована на образовательную деятельность, при отсутствии у них «в большинстве случаев ресурсов и инфраструктуры» для реализации функций «основных субъектов научной и инновационной деятельности» [45, с. 16]. Новой тенденцией можно назвать значительный рост возможностей в использовании вузовских и государственных ресурсов регионов молодыми поколениями университетского научно-образовательного сообщества при одновременном сокращении таких возможностей у средних и старших поколений.

Характер взаимодействия общностей-стейкхолдеров – содействия и солидарность либо противоречия и кризис, – создает условия для (не)успешности реализации «третьей миссии» университетов. К критериям ее успешности следует отнести:

- наличие во всех регионах округа государственных программ научного и научно-технологического развития и соответствующих ресурсов. Это означает расширение сферы влияния университетской науки, а, следовательно, и мер государственной поддержки, за пределы критически значимых инженерных, промышленных и т. п. технологий в направлениях социального и культурного (в широком понимании) регионального развития;

- стабильность взаимодействия региональной власти и научно-образовательного сообщества вузов. Это выражается в постоянстве и ритмичности взаимодействия, расширении представленности властных структур в вузовском управлении, с одной стороны, а с другой – представленности всех трех поколений научно-образовательного сообщества вузов в деятельности властных структур;

- универсальность названного выше взаимодействия, которая реализуется через равенство возможностей (организационных, ресурсных, управленческих, институциональных и др.) для развития разных направлений и уровней университетской науки в субъектах макрорегиона;

- наличие сбалансированной политики поколений в отношении макрорегионального научно-образовательного сообщества в самих вузах, на уровне макрорегиона и его субъектов как элемента программы научной и научно-технологической политики.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соотнесение практик участия вузовских научно-образовательных общностей и их поколений в реализации «третьей миссии» в пространстве университетской науки при взаимодействии с региональными властными структурами дает основания сделать заключение о наличии двух противоположных тенденций.

К показателям успешности «третьей миссии» следует отнести наличие в субъектах

макрорегиона собственных программ регионального научно-технологического развития. Их структура и финансовое обеспечение в значительной мере ориентировано на создание инфраструктурной базы университетской науки, в первую очередь – на объекты капитального строительства.

Об успешности «третьей миссии» свидетельствует накопленный опыт в совместной реализации на территории макрорегиона научных мегапроектов и знаковых для российской науки мероприятий: научно-образовательных центров мирового уровня, научных консорциумов, представление достижений на ведущих научно-промышленных площадках (ИННОПРОМ, ЭКСПО и др.). Этот опыт создал условия для «игры вдолгую», поскольку эффект таких проектов носит отдаленный во времени, и вместе с тем, пролонгированный характер. Участие властных структур в проектах подобного рода стратегически значимо и для социально-экономического развития регионов, и для развития университетской (и шире – всей региональной и национальной) науки – она обеспечена крупными заказами на исследования, подкрепленной ресурсной и инфраструктурной базой.

Позитивным следует назвать опыт реализации многочисленных мер государственной поддержки регионального уровня – софинансирование исследовательских грантов, премиальные программы для ученых (особенно молодых), стипендиальная поддержка студентов и аспирантов. Однако эти меры более работают на отдаленную перспективу через укрепление престижности университетской науки как вида профессиональной деятельности. В плане развития университетской науки их можно признать менее успешными, поскольку они не оказывают значительного влияния на оптимальное воспроизводство университетского научно-образовательного сообщества.

К негативным тенденциям в реализации «третьей миссии» в сфере науки нужно отнести проблемы бюрократизации как самой вузовской науки, так и регулирования отношений региональных властных структур и вузовского научно-образовательного сообщества. Данная проблема является зеркальным отражением федеральной научной политики на региональном уровне, в том числе в области критериев эффективности университетской науки, распределения государственных ресурсов

между субъектами федерального округа и их вузами, ограниченности каналов коммуникации по направлениям от вузовских научно-образовательных общностей к властным структурам и обратно.

Как результат, большая часть НПР почти не связывает свою научную деятельность с непосредственными проблемами региона, а ориентирована на проблематику, обозначенную в федеральных стратегических документах (и транслируемых общностью АУР как обязательные и поощряемые в виде уже вузовских требований), условиях федеральных грантов, ведущих научных журналах. Это вызвано необходимостью выполнения наукометрические показатели, лежащие в основе систем стимулирования НПР, в какой-то степени – с логикой развития научных направлений, в рамках которых они работают.

В свою очередь, вузовские управленцы стеснены в возможностях привлечения государственных ресурсов регионов в пространство университетской науки в силу ограниченности региональных бюджетов как по объему, так и ввиду институциональных рамок. Ограничителем успешности реализации «третьей миссии» выступает ожидание властными структурами конкретных практических (внедренческих) решений, а не их научного обоснования.

Наконец, реализацию университетами «третьей миссии» затрудняет отсутствие на уровне макрорегиона, его отдельных субъектов и в их вузах сбалансированной поколенческой политики, которая до последнего времени реализовывалась не столько через создание условий для нормального воспроизводства вузовских общностей, сколько через их «тотальное омоложение».

Из сказанного следует, что при наличии единого правового поля, множества общих целей взаимодействие университетского научно-образовательного сообщества и региональных властных структур требует гармонизации и разработки соответствующих социальных технологий.

В качестве новой исследовательской задачи необходимо выделить проблему изучения взаимодействия университетского научно-образовательного сообщества с региональным бизнес-сообществом, академическими и научно-производственными учреждениями и общественными организациями научной сферы как самостоятельными стейкхолдерами в реализации «третьей миссии» вузов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томилин О. Б. Тупики университетского менеджериализма: концептуальный анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 1 (28). С. 125–143. DOI 10.15826/umpra.2024.01.009. EDN EJJMMD.
2. Дежина И. Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. № 2 (29). С. 132–149. DOI 10.19181/socjour.2023.29.2.10. EDN: FDBFDA.
3. Косыгина К. Е. Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 5 (16). С. 210–229. DOI 10.15838/esc.2023.5.89.12. EDN YWDMGY.

4. MacGregor S. P., Carleton T. (2012). *Sustaining Innovation. Collaboration Models for a Complex World*. N. Y., Springer, 170 p. DOI 10.1007/978-1-4614-2077-4.
5. Зборовский Г. Е. *Избранное: 1972–2022*. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. 749 с. EDN QBDVAG.
6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. *Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ*. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023. EDN DMQCRN.
7. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований*. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. EDN BNSNDA.
8. Резник С. Д., Чемезов И. С. *Менеджеры университета: теория, практика и эффективность организации личной работы*. 2-е изд. М. : ИН-ФРА-М, 2021. 306 с. DOI 10.12737/1168572. EDN WGSSHJ.
9. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. *Социология высшего образования*. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. EDN XRTKJM.
10. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. *Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности*. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 430 с. EDN PNLXLU.
11. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. *Перспективы междисциплинарного исследования проблемы мобилизации ресурсности научно-педагогических работников // Интеграция образования*. 2024. № 2 (28). С. 154–171. DOI 10.15507/1991-9468.115.028.202402.154-171. EDN QVNJMU.
12. Ефимова Г. З. *Карьерный путь преподавателей высшей школы // Социологическая наука и социальная практика*. 2022. № 1 (10). С. 24–40. DOI 10.19181/snsp.2022.10.1.8859. EDN OQLCHD.
13. Власова О. В. *Инновационный потенциал НПР вуза: понятие, структура, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 5 (86). С. 21–29. DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.002. EDN AUNYDH.
14. Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В., Михайлова А. Н. *Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России*. 2023. № 7 (32). С. 96–116. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116. EDN JQIVUL.
15. Ермолаева С. Г. *Университетские менеджеры как вузовская общность // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность : материалы Всероссийской НПК (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.)*. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. С. 237–242. EDN VLRWTN.
16. Ковалев В. В., Дятлов А. В. *Субъектность академического сообщества в условиях менеджериального управления / В. В. Ковалев, А. В. Дятлов // Наука. Культура. Общество*. 2024. № 2 (30). С. 37–51. DOI 10.19181/nko.2024.30.2.3. EDN TDOEUA.
17. Файман Н. С. *Множественная занятость в условиях прекаризации труда научно-педагогических кадров // Труд и социальные отношения*. 2022. № 1 (33). С. 46–55. DOI 10.20410/2073-7815-2022-33-1-46-55. EDN LRBTNB.
18. Бельская Ю. В. *Академическая этика и студент-потребитель // Актуальные вопросы образования*. 2025. № 2. С. 107–111. EDN CMRZLS.
19. Кеммет Е. В. *Институциональная и организационная поддержка научных школ и коллективов: стратегии развития вузов УРФО // Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2024. № 2 (89). С. 29–40. DOI 10.69571/SSPU.2024.89.2.011. EDN MMJBDD.
20. Ефимова Г. З. *Студенты как драйвер академического развития преподавателей // Научный результат. Социология и управление*. 2025. № 3 (11). С. 263–285. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-5. EDN YUWGLS.
21. Пилипенко А. Э., Денисов Р. А. *Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи: факторы влияния и инструменты активизации // Caucasian Science Bridge*. 2023. Т. 6. № 4 (22). С. 66–76. DOI 10.18522/2658-5820.2023.4.6. EDN FMHZDC.
22. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Костина Н. Б. *Поколенческие отношения в научно-педагогической общности: к постановке проблемы // Вестник Института социологии*. 2025. № 3 (16). С. 162–186. DOI 10.19181/vis.2025.16.3.9. EDN EQIPNO.
23. Зборовский Г. Е., Нархов Д. Ю. *Взаимодействие поколений вузовских образовательных общностей в пространстве университетской науки // Социологические исследования*. 2025. № 7. С. 94–109. DOI 10.31857/S0132162525070099. EDN ZJSSFM.
24. Шаброва Н. В. *Поколенческие общности в высшем образовании: критерии выделения, самоидентификация и роль в стабильности университета // Высшее образование в России*. 2025. Т. 34. № 11. С. 108–124. DOI 10.31992/0869-3617-2025-34-11-108-124. EDN SILYRW.
25. Healey M., Flint A., Harrington K. *Students as partners: Reflections on a conceptual model // Teaching & Learning Inquiry*. 2016. Vol. 4. № 2. P. 1–13. DOI 10.20343/teachlearningqu.4.2.3

26. Rabossi M., Guaglianone A. Las políticas de internacionalización universitaria en la Argentina: movilidad estudiantil y producción científica // Revista Ibero-Americana de Estudos em Educação. 2020. Special Issue (№ 15). P. 2556–2576. DOI 10.21723/riace.v15iesp4.14504. EDN HAETZE.
27. Supriyadi Supriyadi. Developing teacher professionalism through scientific writing // Technium Social Sciences Journal. 2022. Vol. 37, November. P. 76–87. DOI 10.47577/tssj.v37i1.7734. EDN BZROME.
28. Nolan J., McConville K. S, Addona V, Tintle N. L., Pearl D. K. Mentoring undergraduate research in statistics: Reaping the benefits and overcoming the barriers // Journal of Statistics Education. 2020. № 28 (2), pp. 140–153. DOI 10.1080/10691898.2020.1756542. EDN LTCXWM.
29. José M.V.D, Hinostraza E.M.F, Briones J.L.M, Cedeño M.L.G. Writing and scientific publication skills of university teachers: A survey study // Journal of Education and Learning (EduLearn) Vol. 17, № 4, November 2023, pp. 613–622. DOI 10.11591/edulearn.v17i4.20945. EDN YZAVEG.
30. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1985-1. EDN STOTFS.
31. Студенты России: гражданская культура и политическое поведение / Н. М. Великая, А. Р. Атласкиров, Д. Ц. Будаева [и др.]. М. : Мир науки, 2025. 640 с. DOI 10.15862/02LSNP25. EDN WBGTRU.
32. Алексеев С. А. Академическая карьера как трек профессионального самоопределения студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2023. № 5 (48). С. 67–71. DOI 10.55421/2499992X_2023_5_67. EDN OWIHEL.
33. Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000. 164 с. EDN LAFQOX.
34. Зборовский Г. Е. О методологии исследования общностной и поколенческой структуры вуза // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т 13. № 3. С. 10–34. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.1. EDN DCBJED.
35. Cilliers E. J. The challenge of teaching generation Z // PEOPLE: International Journal of Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 1. P. 188–198. DOI 10.20319/pijss.2017.31.188198.
36. Лизунов В. В. Роль современных университетов в развитии регионов. Третья миссия университета // Национальные приоритеты России. 2021. № 1 (40). С. 66–75. EDN CLPTON.
37. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Проблемы реализации «третьей миссии» в условиях трансформирующейся роли университетов // Профессиональное образование в современном мире. 2019. № 3 (9). С. 2958–2966. DOI 10.15372/PEMW20190308. EDN AYNQDY.
38. Tao N. S. S., Oliver J. M. Z., Malca W. F. B., Mejia V. V., Mejia C. P. V. University Teachers: Research and Scientific Production // Revista De Gestão Social E Ambiental. 2023. No 17 (4), e03468. DOI 10.24857/rgsa.v17n4-015. EDN WXNFWQ.
39. Henke, Justus. Third Mission as an Opportunity for Professionalization in Science Management // Publications. 2019. Vol 7, № 4: 62. DOI 10.3390/publications7040062.
40. Montesinos, P., Carot, J.-M., Mora, F. (2008) Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research // Higher Education in Europe. Vol. 33 (2–3). P. 195–199. DOI 10.1080/03797720802254072.
41. Prince E. (2024). Role of Social Capital in Community Development. Journal of Advanced Sociology, Vol. 5, № 2, pp. 55–68. DOI <https://doi.org/10.47941/jas.1860>. EDN QVILFZ.
42. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Костина Н. Б., Нархов Д. Ю. Поколенческие взаимодействия образовательных общностей в российских вузах: предметное поле исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. № 3 (25). С. 743–761. DOI 10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761. EDN AJZLAD.
43. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Университеты в условиях перехода к новой модели технологического развития // Управление наукой: теория и практика. 2023. № 4 (5). С. 55–70. DOI 10.19181/smtп.2023.5.4.3. EDN GRTIAG.
44. Каменева Е. Г. Роль государственной поддержки в развитии научно-производственной кооперации // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 1 (28). С. 71–85. DOI 10.15826/umpa.2024.01.005. EDN QCADGA.
45. Константинова Л. В., Титова Е. С., Петров А. М. Институциональные трансформации высшего образования: основные разрывы и новые практики // Высшее образование в России. 2024. № 11 (33). С. 9–28. DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-11-9-28. EDN ZYYVQQ.

REFERENCES

1. Tomilin, O. B. (2024) Stalemates of University Managerialism: Conceptual Analysis. *University Management: Practice and Analysis*, 28 (1), pp. 125–143. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.009>. <https://elibrary.ru/ejjmmd>.
2. Dezhina, I. G. Russia's Science Policy in 2018–2022: Controversial Signals. (2023) *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 29 (2), pp. 132–149. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.10>. <https://elibrary.ru/fdbfda>.

3. Kosygina, K. E. (2023) The role of local communities in the development of small territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16 (5), pp. 210–229. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.12>. <https://elibrary.ru/ywdmgy>.
4. MacGregor, S. P., Carleton, T. (2012) *Sustaining Innovation. Collaboration Models for a Complex World*. N. Y., Springer, 170 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2077-4>.
5. Zborovsky, G. E. (2023) *Selected: 1972–2022*. Yekaterinburg, University for Humanities, 749 p. <https://elibrary.ru/qbdvag>.
6. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E., Tyurina, I. O. (2023) *Reproduction of Intellectual Labor Specialists: A Sociological Analysis*. Moscow, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 383 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023>. <https://elibrary.ru/dmqcrn>.
7. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020) *Russian Youth in the Mirror of Sociology: A Study of Long-Term Research*. Moscow, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 688 p. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>. <https://elibrary.ru/bnsnda>.
8. Reznik, S. D., Chemezov, I. S. (2021) *University managers: theory, practice and efficiency of personal work organization*. 2nd ed. Moscow, INFRA-M PH, 306 p. <https://doi.org/10.12737/1168572>. <https://elibrary.ru/wgsshj>.
9. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2019) *Sociology of Higher Education*. Yekaterinburg, University for Humanities, 539 p. <https://elibrary.ru/xrtkjm>.
10. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2024) *Scientific and pedagogical workers in modern Russia: theory and biography of a social community*. Yekaterinburg, University for Humanities, 430 p. <https://elibrary.ru/pnlxlu>.
11. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2024) *Prospects of Interdisciplinary Research into the Problem of Resource Mobilization of Academic Staff*. *Integration of Education*, 28 (2), pp. 154–171. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.115.028.202402.154-171>. <https://elibrary.ru/qvnjmu>.
12. Efimova, G. Z. (2022) *Career strategies for education teachers*. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 10 (1), pp. 24–40. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.1.8859>. <https://elibrary.ru/oqlchd>.
13. Vlasova, O. V. (2023) *Innovative potential of the university's scientific and research staff: concept, structure, functions*. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 86 (5), pp. 21–29. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.002>. <https://elibrary.ru/auhydh>.
14. Ambarova, P. A., Shabrova, N. V., Kemmet, E. V., Mikhailova, A. N. (2023) *Research Culture of Russian University Students*. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 32 (7), pp. 96–116. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-7-96-116>. <https://elibrary.ru/jqivul>.
15. Ermolaeva, S. G. (2023) *University managers as a university community*. In: XXIII Ural sociological readings. *Personality, culture, society: the legacy of L.N. Kogan and modernity: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 17–18, 2023)*. Ekaterinburg, Ural University Publishing House, pp. 237–242. <https://elibrary.ru/vlrwn>.
16. Kovalev, V. V., Diatlov, A. V. (2024) *Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management*. *Science. Culture. Society*, 30 (2), pp. 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. <https://elibrary.ru/tdoeua>.
17. Faiman, N. S. (2022) *Multiple Employment in the Conditions of Precarization of Scientific and Pedagogical Personnel*. *Labor and Social Relations*, 33 (1), pp. 46–55. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-1-46-55>. <https://elibrary.ru/lrbtbn>.
18. Belskaya, Yu. V. (2025) *Academic ethics and the student-consumer*. *Current issues in education*, (2), pp. 107–111. <https://elibrary.ru/cmrzls>.
19. Kemmet, E. V. (2024) *Institutional and organizational support of scientific schools and teams: development strategies of universities in the Ural Federal District*. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 89 (2), pp. 29–40. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.89.2.011>. <https://elibrary.ru/mmjbdd>.
20. Efimova, G. Z. (2025) *Students as catalysts for academic development of university faculty*. *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), pp. 263–285. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-5>. <https://elibrary.ru/yuwgls>.
21. Pilipenko, A. E., Denisov, R. A. (2023) *Research activity of students: factors of influence and tools of activation*. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), pp. 66–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.6>. <https://elibrary.ru/fmhzdc>.
22. Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E., Kostina, N. B. (2025) *Generational Relationships in the Academic and Teaching Community: A Problem Statement*. *Vestnik instituta sotziologii*, 16 (3), pp. 162–186. <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.9>. <https://elibrary.ru/eqipno>.
23. Zborovsky, G. E., Narkhov, D. Yu. (2025) *Interaction of generations of university educational communities in the space of university science*. *Sociological studies*, (7), pp. 94–109. <https://doi.org/10.31857/S0132162525070099>. <https://elibrary.ru/zjssfm>.
24. Shabrova, N. V. (2025). *Generational Communities in Higher Education: Selection Criteria, Self-Identification and Role in the Stability of*

- the University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 34 (11), pp. 108–124. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-11-108-124>. <https://elibrary.ru/silyrw>.
25. Healey, M., Flint, A., Harrington, K. (2016) Students as partners: Reflections on a conceptual model. *Teaching & Learning Inquiry*, 4 (2), pp. 1–13. <https://doi.org/10.20343/teachlearningqu.4.2.3>.
 26. Rabossi, M., Guaglianone, A. (2020) Las políticas de internacionalización universitaria en la Argentina: movilidad estudiantil y producción científica. *Revista Ibero-Americana de Estudos em Educação*, (15SI), pp. 2556–2576. <https://doi.org/10.21723/riaee.v15iesp4.14504>. <https://elibrary.ru/haetze>.
 27. Supriyadi Supriyadi. (2022) Developing teacher professionalism through scientific writing. *Technium Social Sciences Journal*, 37 (Nov), pp. 76–87. <https://doi.org/10.47577/tssj.v37i1.7734>. <https://elibrary.ru/bznome>.
 28. Nolan, J., McConville, K. S., Addona, V., Tintle, N. L., Pearl, D. K. (2020) Mentoring undergraduate research in statistics: Reaping the benefits and overcoming the barriers. *Journal of Statistics Education*, 28 (2), pp. 140–153. <https://doi.org/10.1080/10691898.2020.1756542>. <https://elibrary.ru/ltxxwm>.
 29. José, M. V. D., Hinostroza, E. M. F., Briones, J. L. M., Cedeño, M. L. G. (2023) Writing and scientific publication skills of university teachers: A survey study. *Journal of Education and Learning (EduLearn)*, 17 (4), pp. 613–622. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v17i4.20945>. <https://elibrary.ru/yzaveg>.
 30. Radaev, V. V. (2019) Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 224 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>. <https://elibrary.ru/stotfs>.
 31. Velikaya, N. M., Atlaskirov, A. R., Budaeva, D. Ts. [et al.]. (2025) Students of Russia: Civic Culture and Political Behavior. Moscow, World of Science PH, 640 p. <https://doi.org/10.15862/02LSNP25>. <https://elibrary.ru/wbgtru>.
 32. Alekseev, S. A. (2023) Academic career as a track of professional self-determination of student youth. *Sustainable Development Management*, 48 (5), pp. 67–71. https://doi.org/10.55421/2499992X_2023_5_67. <https://elibrary.ru/owiiel>.
 33. Mannheim, K. (2000) Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions. Moscow, INION RAS, 164 p. <https://elibrary.ru/lafqox>.
 34. Zborovsky, G. E. (2025). On the methodology of the community and generational university structure research. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 13 (3), pp. 10–34. <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.1>. <https://elibrary.ru/dcbjed>.
 35. Cilliers, E. J. (2017) The challenge of teaching generation Z. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*, 3 (1), pp. 188–198. <https://doi.org/10.20319/pijss.2017.31.188198>.
 36. Lizunov, V. V. (2021) The Role of Modern Universities in Regional Development. The Third Mission of the University. *National Priorities of Russia*, 40 (1), pp. 66–75. <https://elibrary.ru/clpton>.
 37. Kudryashova, E. V., Sorokin, S. E. (2019) Problems of implementation of the «third mission» in the context of the transforming role of universities. *Professional education in the modern world*, 9 (3), pp. 2958–2966. <https://doi.org/10.15372/PEMW20190308>. <https://elibrary.ru/aynqdy>.
 38. Tao, N. S. S., Oliver, J. M. Z., Malca, W. F. B., Mejia, V. V., Mejia, C. P. V. (2023) University Teachers: Research and Scientific Production. *Revista De Gestão Social E Ambiental*, 17 (4), p. e03468. <https://doi.org/10.24857/rgsa.v17n4-015>. <https://elibrary.ru/wxnfqw>.
 39. Henke, J. (2019) Third Mission as an Opportunity for Professionalization in Science Management. *Publications*, 7 (4), p. 62. <https://doi.org/10.3390/publications7040062>.
 40. Montesinos, P., Carot, J.-M., Mora, F. (2008) Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*, 33 (2–3), pp. 259–271. <https://doi.org/10.1080/03797720802254072>.
 41. Prince, E. (2024). Role of Social Capital in Community Development. *Journal of Advanced Sociology*, 5 (2), pp. 55–68. <https://doi.org/10.47941/jas.1860>. <https://elibrary.ru/qviflz>.
 42. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A., Kostina, N. B., Narkhov, D. Yu. (2025) Generational interactions of educational communities in Russian universities: The subject field of research. *RUDN Journal of Sociology*, 25 (3), pp. 743–761. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761>. <https://elibrary.ru/ajzlad>.
 43. Dezhina, I. G. Ponomarev, A. K. (2023). Universities in transition to a new model of technological development. *Science Management: Theory and Practice*, 5 (4), pp. 55–70. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.4.3>. <https://elibrary.ru/grtiag>.
 44. Kameneva, E. G. (2024) The Role of State Support in the Development of Scientific-Industrial Cooperation. *University Management: Practice and Analysis*, 28 (1), pp. 71–85. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.005>. <https://elibrary.ru/qcadga>.
 45. Konstantinova, L. V., Titova, E. S., Petrov, A. M. (2024). Institutional Transformations of Higher Education: Key Gaps and New Practices. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 33 (11), pp. 9–28. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-9-28>. <https://elibrary.ru/zyyyvqq>.